

Кудьмупра. - 2002. -
15-21 авг. - с. 12

Приезд Шагала

80 лет назад великий художник покинул Россию. Тогда ему казалось, что навсегда

В моем представлении Марк Шагал никак не укладывается в понятие "великий человек". Не знаю, какие глаза у него были в молодые годы – ласковые, серо-голубые, пристальные. Но в преклонные годы взгляд у Шагала был цепкий и спокойный, как у тигра. Шагаловский взгляд вбирал все – людей, атмосферу, ритм бегущего времени. Ритм, необычайно убыстренный, которому трудно противостоять.

Сейчас 2002 год, ровно восемьдесят лет назад Шагал навсегда покинул Родину. Уезжая в 1922 году, он леплел надежду: "Возможно, Европа полюбит меня, а вместе с ней и моя Россия".

Отечество мое – в моей душе
Вы поняли?

Вхожу в нее без визы.

Это стихи Марка Шагала. Стихи он писал всегда и дружил с Маяковским, Полем Элюаром и Гийомом Аполлинером.

Его полюбили не только Европа и Россия, но и весь остальной мир. Он делал витражи для Иерусалимского университета, расписывал плафон парижской Гранд-Опера, создал роспись в театре во Франкфурте, сделал витраж в здании ООН в Нью-Йорке и роспись в Метрополитен-опера, исполнил мозаичные панно в Музее в Ницце и витражи для Реймского собора, для церкви в Цюрихе, для Художественного института в Чикаго.

Боже, сколько он всего понаделал за свою долгую жизнь!

Трудно, почти невозможно распутать сложный шагаловский клубок, сотканный из яви, видений, снов. Этот необычайный талант заполнил весь XX век. Вместе с Пикассо – своим другом и поклонником – Шагал обновил художественное восприятие человечества.

Он жил рядом с нами, но зарекомендовал себя художником завтрашнего дня.

В июне 1973 года Марк Захарович Шагал, отложив дела, приехал на Родину после полувекового отсутствия. В Третьяковке к его приезду была устроена выставка его произведений. Попасть на вернисаж было не просто. Людей набилось столько, что все стояли плотно друг к другу – в тесноте, духоте, едва не теряя сознания. Так велика была жажда непосредственного общения с великим мастером, и так глуще всем хотелось выразить благодарственное почтение прославленному маэстро, что неудобства вроде бы и не замечались.

Вдруг вся людская масса ринулась в сторону, откуда должен был появиться художник. Власть толпы, железного потока, когда ты становишься щепкой, всем известна. Мне захотелось выбраться куда-нибудь на свободное место, что в конце концов удалось. Я стал подниматься по лестнице на второй этаж и вдруг увидел Марка Шагала, спускающегося по этой же лестнице в окружении чиновной свиты.

Шагал и тут остался верен себе: непредсказуемость его действий и поступков, как и его неожиданные картины, всегда поражаало. Видимо, в последнюю секунду он пошел не туда, где его ждали, а выбрал свою дорогу. Сопровождающие едва поспевали за ним.

Он шел один, несколько отрешенный от происходящего. На лице его сияла улыбка довольства, голова была чуть склонена вперед, шел он быстро, уверенным шагом, словно предвкушая радость от своего внезапного появления.

– Здравствуйте, Марк Захарович! – неожиданно для самого себя громко вымолил я. – С приездом!

К моему удивлению, Шагал резко остановился, протянул мне руку: "Спасибо, милый, спасибо!" И пошел дальше вниз по лестнице.

Лицо у Шагала было гладкое, открытое, освещенное чистым светом нравственного благородства.

Мне рассказывали, что энтузиасты-ученые из Новосибирска хотели устроить у себя в научном городке выставку произведений Марка Шагала, списались с ним. Художник горячо откликнулся и обещал подарить Новосибирску четыреста своих работ. Но власти наотрез отказали ученым на том основании, что такой подарок непомерно дорого обойдется государству, – не то страховочные, не то пошлину нужно выплачивать Франции. Как будто любому непосвященному было невдомек, что стоимость одной картины великого художника с головой покрывает любые расходы по доставке работ в Новосибирск. Конечно, дело было совсем не в дорожных расходах.

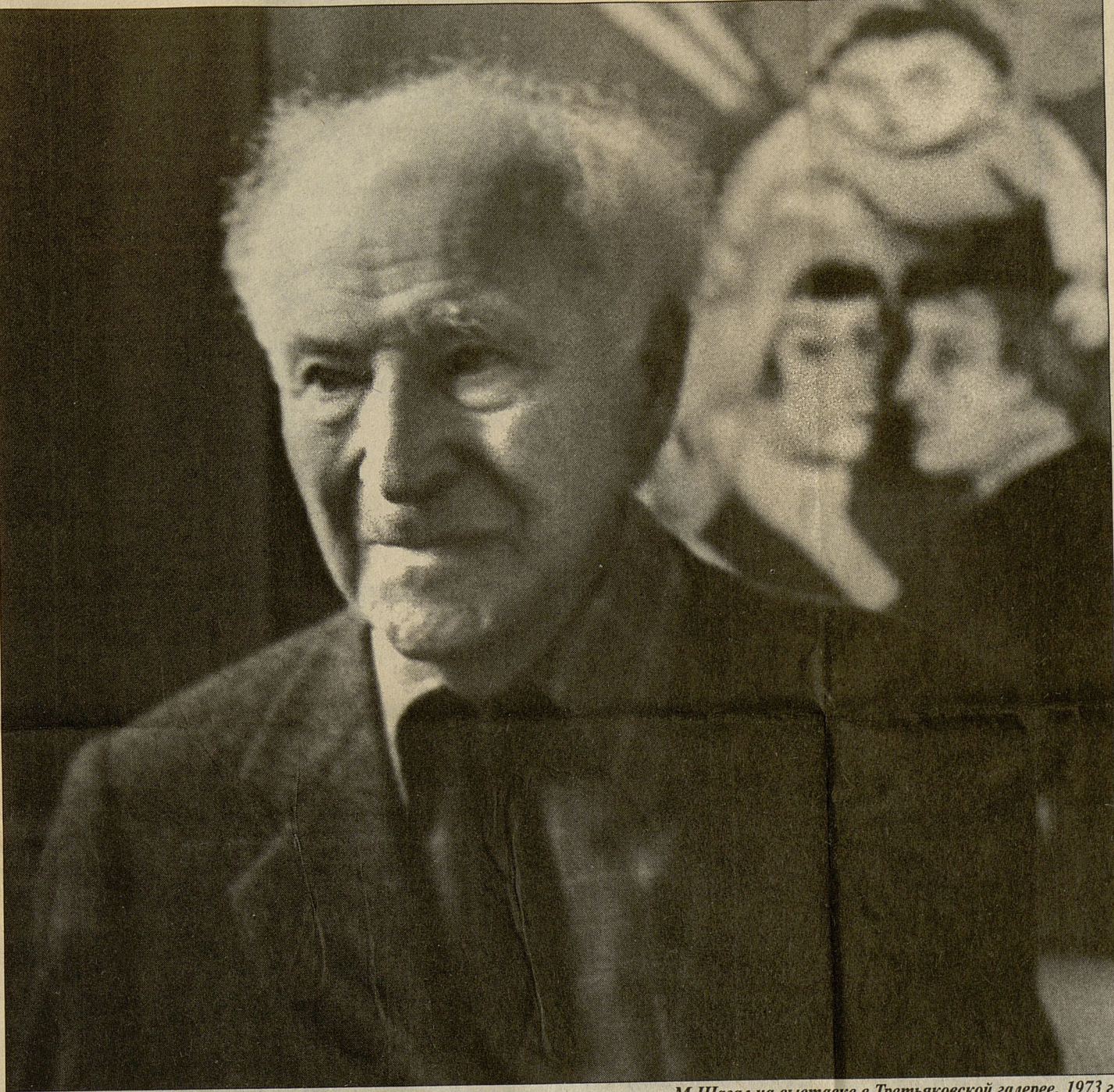
Шагал всю жизнь считал, что искусство – это состояние души, а душа у всех двуногих во всех точках Земли святая. И еще он говорил, что жизнь – это очевидное чудо. Что мы являемся частью этой жизни и с возрастом переходим из одной формы жизни в другую. Своей душой, считал Шагал, может быть, подсознательно человек связан с миром, находится в гармонии с ним.

Я не могу поручиться за других – за чувство человеческого достоинства, гармоничность, порядочность, на которые в наше время постоянно покушаются (куда там за других! С самим собой нужно вести борьбу), но за Марка Шагала поручиться можно с чистым сердцем. Такого явления в русском искусстве за всю его историю не было. И уже не будет. Он уехал из России навсегда. И постоянно ощущал нутряную связь с ней, считая себя русским художником, хотя его относили к разряду французских мастеров. Может ли быть живопись понятием абстрактным, исповедующим коллективную точку зрения? Или это дело сугубо индивидуальное, субъективное? На спорах об этих материях столько было сломано копий! Но Марк Шагал предпочитал кистью доказывать свою эстетическую правоту – и преуспел в этом. Он принимал участие в выставках "Ослиный хвост" и "Мишень" в 1912 – 1913 годах и участвовал в экспозициях Салона Независимых и Осеннего в Париже. "Я понял, что нет пророка в своем Отечестве", – с горечью писал Шагал в книге "Моя жизнь".

К живописи Шагал относился всегда как к главному делу жизни. Это было серьезно, не раз обдумано, а потому в 1907 году Шагал, которому было 20 лет, оказался в Петербурге, полный надежд и стремительного желания добиться своего. Против него стояла незлыблемая государственная машина, которая запрещала еврею не только учиться, но и жить в столице без "вида на жительство".

Мы знаем, что воля человека сильнее любой бумажки. Шагал доказал, что благородная цель наделяет человека сверхъестественной силой: Шагал остался в Петербурге вопреки всем правилам и законам. Он учится в школе при обществе поощрения художеств. Сам Николай Рерих – директор школы – принимает в нем участие, помогает, поддерживал. Шагал переходит в школу Званцевой, где преподают Добужинский и Бакст. Начинаются для молодого живописца счастливые времена профессионального становления, когда жадно впитываются знания, опыт, традиции.

Незаурядные способности Шагала ни у кого не вызывают сомнений. Плюс его одержимость, его повышенная чувствительность, эмоциональная раскаленность. Это ведь начало XX века, тогда отношения между людьми были чуточку другими, не было нынешнего равнодушия и безучастия. Не было механическо-

М.Шагал на выставке в Третьяковской галерее. 1973 г.

го практицизма. Товарищеская взаимовыручка, сочувствие, сострадание доминировали там, где сегодня пыльным цветом расцветает цинизм.

Учеников в школе Званцевой было немало. Своими дарованиями выделялись Н.Лермонтова, Н.Тырса, С.Дымшиц-Толстая. В школу приходили работать Сомов, Билибин, Остроумова-Лебедева.

Бакст был человеком необыкновенно добрым. Работы учеников разбирались подробно и по-отечески добродушно. Шагала Бакст любил за самостоятельность, темперамент, художественный вкус.

И Шагал платил ему преданностью, помогал своему педагогу в работе над декорациями к балету "Нарцисс" в постановке труппы Сергея Дягилева.

В 1933 году в нацистской Германии по приказу Гейббельса будут публично предавать огню картины Марка Шагала, к которому фашисты имеют одну претензию – он представитель "дегенеративного искусства".

Когда мой друг Миша Капустин брал у Шагала интервью в Москве в 1973 году, он спросил у художника: "Скажите, а что такое живопись в вашем понимании?"

Шагал лукаво улыбнулся: "Хороший вопрос! Я вам отвечу. Скажите, вы любите парное молоко? Творог свежий? Свежую сметану? Любите, да? Я тоже очень люблю! Так вот, живопись – это свежесть! Художник

– это маг, большое сердце. Он извлекает красоту, отыскивает свежесть во всем, рыщет, подчиняет себе стихию. Художник – человек свободной воли, он понукаем внутренним демоном. Мы живем в мире собственных стремлений и тревог. Это мир радостный и трагичный!"

Слушал я интервью Марка Шагала, записанное Мишей Капустинным на диктофон. Художник говорил взволнованно. Материю, которых он касался, были возвышенны, далеки от бытовых забот. А думалось мне о том, что Шагал счастливчик, он вытянул у судьбы нужный билет. В Шагале ярко и очевидно воплотились целесообразность творения и мудрость Творца. Этот появившийся на земле гений был созерцающим и зрячим.

С тех пор как он покинул родину, Шагал сохранил органическую связь с ней, порой невообразимо крепкую. За границей он стал делать иллюстрации к "Мертвым душам" Гоголя и "Невесте с синим лицом", "Всадница на красной лошади", "Часы с синим крылом"... Он, Марк Захарович Шагал, мог оказаться запертым в железной клетке, мог зарости мхом в Витебске, попасть в лапы пыточных мастеров друга Сосо Лаврентия, его бы жевали стальные зубы соцреализма и топтали ноги партийных бонз и готовых на все критиков.

А он мечтательно смотрел на свое небо, на купола русских храмов, и ему виделись базарные тетки, ле-

ковской галерее со всей любовью русского художника к своей родине эту серию из 96 гравюр, сделанных мною в 1923 – 1925 гг. к "Мертвым душам" Гоголя для издателя Амбруаза Воллара в Париже" – такая сопроводительная записка художника была приложена к бескорыстному дару. "Мертвые души" с иллюстрациями Марка Шагала вышли в Париже только в 1948 году.

Трудно себе представить, какой была бы судьба Шагала, если бы он остался в России. В русло марксизма-ленинизма он не вписывался никак: вместо торжествующего революционного народа он писал борющихся евреев, знатоков Библии, торговцев скотом, парикмахеров и мясников, учителей в хедере, ближних и дальних своих родственников. Одни названия его картин чего стоят! "Зеленые любовники", "Голубые любовники", "Красный еврей", "Серые любовники", "Обнаженная на петухе", "Невеста с синим лицом", "Всадница на красной лошади", "Часы с синим крылом"... Он, Марк Захарович Шагал, мог оказаться запертым в железной клетке, мог зарости мхом в Витебске, попасть в лапы пыточных мастеров друга Сосо Лаврентия, его бы жевали стальные зубы соцреализма и топтали ноги партийных бонз и готовых на все критиков.

А он мечтательно смотрел на свое небо, на купола русских храмов, и ему виделись базарные тетки, ле-

тающие над городом, или появлялись ангелы в проеме потолка. Художник спрашивал у обывателей: "Милые, а что это там летает?" Они пожимали в ответ плечами и всматривались в небо пристальной. "Еще ребенком я чувствовал, что во всех нас есть некая тревожная сила. Вот почему мои персонажи оказались в небе раньше космонавтов", – так говорил Шагал в своей лекции в Чикагском университете в 1950 году. Ему шел седьмой десяток, но огонь в душе его не угас, а глаза светились молодым задором. Обстоятельства жизни, сформировавшие Шагала, были благоприятны для него. Меня сразу же покорило облик Марка Захаровича, как только я его увидел: порыв, движение, необычайная выразительность в каждом жесте.

Сколько сил, выдумки, энергии отдал Шагал созданию Витебского народного художественного училища! У него в кармане была бумага, подписанная наркомом Луначарским: "Т. художник Марк Шагал назначается уполномоченным по делам искусств в Витебской губернии. Всем революционным властям предлагается оказывать тов. Шагалу полное содействие".

"Губернский уполномоченный" – это высшая должность, полученная Шагалом в России. И вот теперь он ходил по Москве, навещал друзей и знакомых. "Шагал поехал в Переделкино", "Шагал сейчас у Костяки", "Ша-

гал – гость Мессерера и Ахмадулиной" – то и дело растекались слухи по Москве. Тяжесть жизненных невзгод, скитаний и голодных лет в юности не поубавили ни энергии, ни фантастического блеска в глазах всемирно известного художника.

Когда-то критик Эфрос находил в Шагале странности детских сказок, небывлиц, вымыслов, за которыми открывался фантазмагорический мир национальной еврейской мистики, пытавшейся чудесно преобразить нищенский быт местечкового существования. Сам нарком Луначарский назвал Шагала Гофманом околдованных трущоб.

Теперь этот Гофман прибыл в Москву, его уговаривали поехать в Витебск, но он не решился, боясь разочароваться – город был разрушен гитлеровцами. Министр культуры Екатерина Фурцева дала в честь Шагала обед в Кремле. Шагал поехал в Ленинград, посетил места, которые были ему особенно дороги, побывал в Эрмитаже и Русском музее.

Все видимое этим художником в Витебске было поднято силой его фантазии в воздух: летели по небу коровы и дома, мужики с мешками за спиной и влюбленные парочки, летели дома и золотые купола, подвыпившие ремесленники и козы с тревожными женскими глазами. Прославив на весь белый свет свой Витебск, Шагал обращался к нему со словами любви и благодарности: "Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Мой дорогой, ты не спросил с болью, почему, ради чего я ушел от тебя много лет назад. Юноша, думал ты, что-то ищет, какую-то особую краску, которая рассыпается, как звезды с неба".

Шагал нашел-таки свою особую краску. Не было ни одной картины, которая бы не дышала духом Витебска и его отражением, Шагал говорил, что нет ни одного сантиметра в его картинах, в котором бы не было ностальгии по Родине.

За три года до приезда Шагала в Москву я отправил ему во Францию книгу Ю.Овсянникова "Русские изразцы". Книга была выпущена в свет издательством "Искусство", сделана с любовью и тонким вкусом.

Примерно через месяц я получил от Марка Захаровича письмо с выражением искренней благодарности за подарок.

"Спасибо, что вспомнили меня, – писал Шагал, – и послали довольно удачную книжечку "Русские изразцы". Я начинаю думать, что то, что я делаю, может быть недалеко от этого народного источника".

А вскоре мой брат, побывавший в Музее Шагала в Ницце, привез мне литографию, в которой мастер, перешагнувший восьмидесятилетие, был так же молод и дерзок, как когда-то в Витебске. И в девяносто лет Шагал продолжал работать – сделал иллюстрации к "Одиссее", к "Буре" Шекспира, витражи для церкви во Франции и Великобритании, для Художественного института в США. Он награжден орденом Почетного легиона. Как-то Шагалу сказали, что Шарлю де Голлю понравилась роспись плафона парижской Гранд-Опера. – "А у этого де Голля неплохой вкус!" – отшутился Шагал.

...На пленке у моего друга звучал напористый голос Марка Шагала. "Что такое художник?" – спросили у него. – "Вместилище эмоций – вот что такое художник", – ответил Шагал, – они приходят к нему со всех сторон: с неба, с земли, от клочка бумаги, от очертаний тени, от паутины!"

Григорий АНИСИМОВ
Фото ИТАР-ТАСС